

УДК 342.41

DOI 10.55346/27825647_2022_02_12

Баринев Э. Э.,
заведующий кафедрой конституционного
и муниципального права ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»,
член Высшей квалификационной коллегии судей
Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент,
г. Ростов-на-Дону, Россия

© 2022

Дата приема:
08.02.2022

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ 2020 ГОДА В СВЕТЕ ОЦЕНКИ ЕЕ ВЛИЯНИЯ НА СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

В статье анализируются промежуточные итоги конституционной реформы 2020 года. Автор исходит из возможности использования различных подходов к анализу соответствующей проблематики: с точки зрения оценки самой процедуры конституционной реформы; в контексте рассмотрения особенностей юридической техники, использованной в процессе текстуального оформления соответствующих конституционных новелл; с позиций влияния конституционных поправок на дальнейшее развитие всей системы российского законодательства. Особое внимание в статье уделяется изменению полномочий Конституционного Суда РФ, как в связи с новыми угрозами и вызовами внутривнутриполитического и геополитического характера, так и в отношении особенностей их технико-юридического закрепления, а также возможностей реализации в будущем.

Ключевые слова: единая система публичной власти; конституционная ответственность; конституционная реформа 2020 года; конституционные поправки; Конституционный Суд РФ; Конституция РФ; юридическая техника.

Конституционная реформа 2020 года стала одним из наиболее значимых событий в истории российского конституционализма с момента принятия Конституции России 1993 года. Еще никогда текст Основного закона не подвергался столь значительной трансформации, и еще никогда вносимые поправки не вызывали столько вопросов, касающихся как процедурно-технической составляющей конституционной реформы, так и нюансов концептуального и общетеоретического характера, затрагивающих содержание, оптимальность и це-

лесообразность вносимых изменений. Относительно самостоятельным аспектом дискуссии выступила обусловленность соответствующих поправок обстоятельствами внутривнутриполитического и геополитического характера. Конституционная реформа 2020 года дал старт невиданным по своим масштабам преобразованиям отечественного конституционно-правового законодательства.

Уже сейчас можно констатировать, что значительная часть конституционных изменений заранее предполагала и последующую коррекцию соответствующей сферы законодательного регулирования. Так, невнесение в судебную систему конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации (ч. 3 ст. 118 Конституции РФ) повлекло за собой упразднение данного института. В свою очередь удаление из статьи 131 Основного закона изначально там присутствующих двух видов муниципальных образований (городских и сельских поселений) также предполагало глубокую реформу местного самоуправления путем принятия специального закона. И таких примеров можно привести немало. Таким образом, реформируя текст Основного закона, законодатель, думается, имел относительно четкий и ясный план последующих конституционно-правовых преобразований. Возможно, что последнее замечание в итоге станет актуальным лишь для определенной части изменений конституционного текста, однако уже сейчас можно говорить, что таковых будет достаточно много.

С другой стороны, новые конституционные положения уже сейчас существенным образом определяют, а в отдельных случаях и сужают границы возможных законодательных изменений правового пространства. Так, новое конституционное полномочие Правительства РФ, касающееся формирования в обществе ответственного отношения к животным (ч. 1 ст. 114 Конституции РФ), стало основной преградой для внесения в Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными» изменений, касающихся дополнительных возможностей для умерщвления животных, не имеющих владельцев.

Таким образом, оценивая итоги конституционной реформы 2020 года, следует руководствоваться не только собственно конституционными поправками, но и их значением для уже происходящих или гипотетически ожидаемых изменений законодательства.

1. Технические особенности процедуры внесения поправок

Конституционная реформа 2020 оставила много вопросов не только в части активных дискуссий о политических путях дальнейшего развития России, но и в отношении самой процедуры внесения поправок в текст Конституции. Обозначенную проблему можно представить следующим образом.

Насколько целесообразно вводить новый (уточненный) порядок изменения конституционного текста тем же правовым актом, который содержит и сами поправки, тогда как сам «уточненный порядок» в текст Конституции РФ инкорпорировать затруднительно, ввиду невозможности изменения текста гл. 9 путем внесения в нее поправок. В итоге «новое» полномочие Президента РФ — обращаться в Конституционный Суд РФ с соответствующим запросом о проверке на конституционность Закона о поправке — оказалось в частичном «конституци-

онном вакууме», как минимум, в значительном отрыве от самой процедуры внесения поправок. В гл. 9 Конституции РФ такого полномочия Президента нет, нет его и в Федеральном законе «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации». Нет и каких-либо оснований полагать, что оно в ближайшей перспективе может появиться. О соответствующих законодательных инициативах на сегодняшний день не известно. При этом аналогичные полномочия в отношении федеральных и федеральных конституционных законов (в контексте самой законодательной процедуры) в Конституции есть (ст. 107 и ст. 108 Конституции РФ «Федеральное собрание»). Одновременно отметим, что в ст. 3 Федерального закона «О Конституционном Суде РФ» соответствующее полномочие Конституционного Суда РФ присутствует (по аналогии со ст. 125 Конституции РФ).

Также актуальным представляется вопрос о том, не ставит ли «новый порядок» в несколько ущербное положение ранее принятые поправки, на наш взгляд, не менее важные для политической жизни государства и общества (сроки полномочий высших органов государственной власти, упразднение Высшего Арбитражного Суда и др.)? И что «будет», если появится необходимость в редакции конституционных положений, введенных поправками 2020 года? Будет ли легитимным изменение текста Конституции в части принятых в 2020 году поправок без обязательной предварительной проверки на конституционность и проведения общероссийского голосования? В этой связи, правда, можно вспомнить о том, что в Конституцию РФ, принятую на всенародном голосовании, по умолчанию предполагалось вносить поправки без участия населения, однако даже в этом случае остается проблема обязательности или необязательности для внесения поправок в поправки 2020 года предварительного заключения Конституционного суда.

Еще один вопрос, касающийся самой процедуры внесения поправок, можно сформулировать таким образом: следовало ли вносить весь блок поправок одним законом (особенно в контексте всенародного голосования), учитывая их значительную разнородность, и насколько полно наименование закона отражает весь блок вносимых изменений (Закон РФ о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»)?

Достаточно много вопросов вызывает и целесообразность активной редакции главы 3 Основного закона, посвященной федеративному устройству, которая по итогам конституционной реформы включила в себя значительное количество положений, больше соответствующих содержанию Преамбулы, а также первой и второй глав Конституции РФ. Первоначальное решение не корректировать первую и вторую главы, то есть не включать механизм «пересмотра», в конечном итоге отразилось на содержании и логике третьей главы Основного закона, как нам кажется, не самым лучшим образом. Аналогичные соображения касаются и Преамбулы Основного закона, положения которой, по сути, были развиты на уровне главы третьей, хотя по логике должны были оказаться именно в тексте Преамбулы. На соответствующие особенности данного блока конституционных поправок уже обратили внимание исследовате-

ли [6]. Особо показательными в этой связи являются положения ч. 2. ст. 67.1. Отметим, что попытка унифицировать порядок внесения поправок в главы с третьей по восьмую и порядок изменения содержания Преамбулы предпринимались в 2015 году, однако соответствующая законодательная инициатива не дошла даже до стадии первого чтения. В соответствии со сложившимися на сегодняшний день научными представлениями, касающимися возможного изменения текста Преамбулы, соответствующие изменения возможны только в порядке пересмотра Конституции или принятия новой.

Обратим внимание и на тот факт, что решение «не трогать» в ходе конституционной реформы Преамбулу и главы 1, 2 и 9 не только не самым лучшим образом отразилось на логике, структуре и содержании третьей главы Конституции, но и существенным образом снизило значимость, конституционный потенциал и конституционную ценность вносимых в третью главу поправок. Ведь, как справедливо отмечает в своей работе профессор Н.С. Бондарь, Преамбула, первая и вторая главы Конституции — это «нормативно-правовой генератор конституционного духа, с помощью которого можно проникать в глубинное содержание всех других ее статей, обнаруживать их сакральные свойства» [1].

Таже отметим, что для решения поставленных задач законодатель не во всех случаях использовал соответствующий технический инструментарий. Так, положения о вере в бога соседствуют с положениями о том, что Россия — правопреемница СССР, что в контексте известного отношения советской власти к религии и верующим выглядит не вполне корректно. В свою очередь попытка конституционализировать понятие брака, закрепленное в Семейном кодексе РФ, лишь продемонстрировало невозможность решения отдельных проблем законодательного регулирования в соответствующей сфере без изменений текста первой и второй главы Основного закона. В итоге центральное для семейного права понятие брака закреплено не, к примеру, в ст. 71, а в ст. 72 Конституции РФ, касающейся совместных предметов ведения Российской Федерации и ее субъектов, что уже заключает в себе некоторую двусмысленность. Кроме того, прямого и категорического запрета, скажем, на «однополые партнерства» (широко распространенные в других странах) или другие аналогичные юридические конструкции в Конституции РФ нет, что открывает возможности для развития данной «темы» на уровне отраслевого законодательства, а это сутью конституционной поправки, как нам видится, не предусматривалось.

Также отметим, что изначальное решение не изменять главы 1, 2, 9 Конституции РФ стало причиной отдельных терминологических нестыковок. Так, в главах 4, 5 и 7 Конституции речь идет о «сенаторах Российской Федерации», а в гл. 9 — о «членах Совета Федерации», как и в тексте соответствующего федерального конституционного закона.

2. Крупномасштабная реформа системы публичной власти

Конституционная реформа 2020 года легитимировала использование категории «единая система публичной власти» в юридическом дискурсе как полноценной категории, обладающей своим строгим формально-юридическим содержанием.

ем. В соответствии с обновленным текстом Основного закона в единую систему публичной власти входят органы государственной власти и местного самоуправления (ч. 3 ст. 132 Конституции РФ), а организация публичной власти относится к исключительному ведению Российской Федерации (п. «г» ст. 71 Конституции РФ). Теперь Президент РФ обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, включенных в единую систему публичной власти (ч. 2. ст. 80, п «е.5» ст. 83 Конституции РФ), тогда как ранее он осуществлял аналогичные полномочия исключительно в отношении государственной власти. Таким образом, Президент РФ выступает одновременно и как один из органов публичной власти, и как гарант согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в ее систему.

Использование при редактировании конституционного текста ограниченной по своим возможностям процедуры внесения поправок не позволило полноценно, систематизировано и концептуально оформить новую категорию на уровне конституционного текста. Однако основная задача реформы по этому направлению формально была достигнута — муниципальная власть, пусть и по-прежнему не рассматриваемая как государственная, формально-юридически уже не позиционируется как независимая от государства в целом. Надо сказать, что вопрос о какой-либо независимости муниципальной власти от государственной и раньше представлялся достаточно неоднозначным в своем представлении, ведь муниципальная власть обладала самостоятельностью исключительно в сферах, обозначенных для нее федеральным и региональным законодателем. Теперь, по итогам конституционной реформы, общий контроль над ней официально находится в сфере полномочий Президента и Государственного Совета.

Не случайно первое полноценное определение системы публичной власти содержится именно в Федеральном законе «О Государственном Совете Российской Федерации». В соответствии со ст. 2 под единой системой публичной власти (отметим, что законодатель во всех случаях предпочитает употреблять термин «публичная власть» именно в таком сочетании — «единая система публичной власти») понимаются федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы (это упоминание отсутствует в тексте Конституции РФ), органы местного самоуправления, осуществляющие свою деятельность в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства. Законодатель также упоминает принципы, на которых строится соответствующая деятельность и законодательство, на основе которого происходит координация этой деятельности и распределение полномочий.

Можно предположить, что путем объединения всей системы органов, обладающих публично-властными полномочиями в единую систему, законодатель исправляет некоторые «недочеты» исходного текста Конституции, касающиеся как общей неопределенности категориального аппарата в части учреждения всей системы публично-властных органов государства (государственный орган, орган государственной власти, их место в системе разделения властей и др.), так и в части излишней обособленности и самостоятельности органов местного самоуправ-

ления (ст. 12 Конституции), которая очень давно и очень активно обсуждается в российской науке.

Еще раз отметим, что, решая последнюю «проблему», законодатель был связан ограниченными возможностями процедуры внесения поправок, что негативно сказалось на итоговом варианте текста Основного закона, а официально провозглашенная единая система публичной власти не получила своего полноценного оформления на уровне первой главы Конституции РФ. Даже само понятие «публичная власть», в отличие от понятия «единая система публичной власти», обойдено законодателем и раскрывается исключительно на уровне общетеоретической науки. Кроме того, по формальным критериям легализованное использование соответствующих терминов нельзя признать оптимальным — единая система власти в государстве обозначается как «публичная», и в ее систему входят не только органы в своем наименовании производные от термина «государство», но и иные органы, терминологически с категорией «государство» не связанные. С другой стороны, органы местного самоуправления в систему органов государственной власти не входят (ст. 12 Конституции РФ), однако их согласованное взаимодействие с другими органами, входящими в систему публичной власти (какими именно способами будет осуществляться эта координация можно узнать на уровне отраслевого законодательства), обеспечивается как раз одним из органов государственной власти (ч. 2 ст. 80 Конституции РФ). Таким образом, итоговое решение данной проблемы на уровне конституционного текста оказалось далеким от идеального.

Что же касается последовавших за легализацией категории «единая система публичной власти» изменений отраслевого законодательства в части организации публичной власти в субъектах и организации местного самоуправления, то они полностью укладываются в концепцию усиления единой централизованной власти, в том числе на уровне развития института прямой конституционной ответственности одних публичных органов власти перед другими. С другой стороны, институт прямой конституционной ответственности органов публичной власти перед населением по итогам последних конституционно-правовых преобразований окончательно прекратил свое существование.

В отношении большого количества изменений в системе организации высшей публичной, в частности государственной власти в России, отметим, что все они требуют внимательного изучения и осмысления. Часть из них уже сейчас представляют несомненный общетеоретический и научно-практический интерес:

- перераспределение полномочий между палатами Федерального Собрания (например, назначение председателя и заместителя Счетной палаты);
- большая вариативность для президента при принятии решения о роспуске Государственной Думы и отправке в отставку Правительства РФ;
- новшества в процессе формирования Совета Федерации и др.

3. Изменение системы полномочий Конституционного Суда РФ

Не принижая важности значительных изменений в сфере функционирования единой системы публичной власти, наиболее подробно хотелось бы остановиться на новых и «уточненных» полномочиях Конституционного Суда РФ:

1. Проверка конституционности законов о поправке к Конституции, федеральных конституционных законов и федеральных законов до их подписания Президентом (ч. 5.1 ст. 125 Конституции РФ). Данная группа полномочий вызывает целый ряд вопросов. Проверив федеральный закон на соответствие Конституции РФ, может ли Конституционный суд еще раз вернуться к его проверке? Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде РФ» в статье 110.12 отвечает на этот вопрос утвердительно, однако нельзя не признать, справедливость скептического отношения многих авторов к реальным юридическим возможностям предварительного конституционного контроля не подписанных законов [3]. Небезынтересной видится также ситуация, если Конституционному суду будет «предложено» проверить конституционность значительного по объему нормативного акта (например, нового Кодекса производства по делам об административных правонарушениях), или же данное полномочие по умолчанию предполагает предварительный контроль законопроектов о внесении изменений в уже действующие нормативные акты? В этой связи логичен вопрос: какая объективная необходимость может быть в соответствующей проверке закона, если это только не Закон о поправке к Конституции (на последнее обстоятельство указывали депутаты от коммунистической партии при обсуждении соответствующего законопроекта в Государственной Думе)? Отметим в этой связи, что вполне понятные опасения ученых, касающиеся того, что предварительный конституционный нормоконтроль должен вытеснить «традиционный» и в конечном итоге поднять на недостижимую высоту идею непогрешимости законодательной деятельности, на сегодняшний день не оправдываются, а сам институт предварительного нормоконтроля не используется.

Также необходимо учитывать, что формально проверка закона на конституционность по инициативе президента привязана к ситуации, когда президент наложил на законопроект «вето», а палаты Федерального Собрания его преодолели, то есть такая проверка на конституционность позиционируется именно как последний способ «не согласиться» с мнением палат Федерального Собрания, во всяком случае это следует из формального и буквального прочтения ст. 107 Конституции РФ. Рассмотренная ситуация касается принятия федеральных законов. Аналогичные соображения можно высказать и в отношении федеральных конституционных законов (ст. 108 Конституции), за вычетом того, что на последние «институт президентского вето» не распространяется.

Отметим, что Конституционный Суд РФ в своей деятельности нередко занимается ликвидацией правовых пробелов, коллизий (хоть это прямо и не закреплено в его полномочиях) или же предлагает единственно верное истолкование законодательных положений. Следует ли Конституционному суду реализовывать аналогичные функции на стадии предварительного нормоконтроля, если их объективная необходимость будет очевидна? Отметим, что такая «смоделированная» ситуация, по сути, уже стала реальностью. Так, Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 года легализовал понятие «государствообразующий народ» (ст. 68 Конституции РФ). Часть исследователей поспешила объявить о том, что категорию «русский народ» легализовали на уровне Конституции, другие отмечали, что в Конституции закрепили формально не «русский

народ», а все-таки «государствообразующий», без соответствующей конкретизации. Однако Конституционный Суд РФ, проверяя закон о поправке, оперировал понятием «русский народ» [5]. Исходя из правила об обязательности интерпретации, даваемой Конституционным судом, можно утверждать, что в Конституции действительно не только легализовали «русский народ», но и обозначили его как государствообразующий. И всё это мы можем утверждать именно благодаря разъяснению, данному Конституционным судом на стадии предварительного контроля.

2. Возможность исполнения на территории России решений межгосударственных органов и межгосударственных судебных органов (ст. 125 Конституции РФ). В первом случае речь идет об их оценке в контексте надгосударственного истолкования, противоречащего Конституции, во втором — в контексте противоречия основам публичного правопорядка. Аналогичное полномочие ранее уже было закреплено в ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ», однако его новое изложение (идентичное конституционному) нельзя признать идеальным. В ранее действовавшем варианте соответствующего закона возможность проверки на исполнимость решений надгосударственного органа судебной власти была привязана к возможному противоречию между положениями международного договора Российской Федерации в истолковании, данном межгосударственным органом по защите прав и свобод человека и непосредственно Конституцией РФ. Указанное положение следовало понимать в тесном сочетании конвенционного и конституционного судебного процесса, когда именно Конституционный суд решает, соответствует ли конвенционная трактовка международного договора, интерпретации Конституции, данной Конституционным судом.

В практике Конституционного Суда РФ уже были прецеденты прямого, буквального противоречия решений Европейского суда по правам человека букве российской Конституции, формально не требующие использования механизмов конституционной интерпретации. Речь идет о ч. 3 ст. 32 Конституции РФ, в соответствии с которой «не имеют права избирать и быть избранными граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда». Однако и в этом случае Конституционный суд предпочел не только детально аргументировать свою позицию, но и предложил возможные законодательные способы смягчения соответствующего оспариваемого режима, одновременно категорично отвергнув идею пересмотра Конституции [8].

Напомним, что в основе всей системы конституционно-правовых изменений в сфере обеспечения конституционного суверенитета и, в частности, появления на свет новых полномочий Конституционного суда, лежит правовая позиция Конституционного суда, в которой исполнимость решений судебных надгосударственных органов привязывается как раз к противоречиям в конвенционном и конституционном толковании — «во всех приведенных случаях конвенционно-конституционных коллизий речь идет не о противоречии между Конвенцией о защите прав человека и основных свобод как таковой и национальными конституциями, а о коллизии толкования конвенционного положения, данного Европейским

судом по правам человека в постановлении по конкретному делу, и положений национальных конституций, в том числе в их истолковании конституционными судами» [7]. Другими словами, речь не идет о противоречии основам публичного правопорядка, хотя сама категория «правопорядок» в соответствующем постановлении и упоминается.

В окончательном же варианте надгосударственная интерпретация, противоречащая Конституции, привязана к решению межгосударственного органа, а противоречие основам публичного правопорядка — к решениям межгосударственного судебного органа. В последнем случае много вопросов вызывает сама категория «основы публичного правопорядка», которая достаточно редко встречается в науке и в судебной практике. На имеющую место неопределенность понятия «основы публичного правопорядка» в соответствующем контексте уже обратили внимание отдельные исследователи [2]. Одновременно нельзя не заметить, что часть исследований, затрагивающих содержательное и концептуальное наполнение категории «основы публичного правопорядка», появилась как раз по итогам легализации новых полномочий Конституционного Суда РФ [4]. На наш взгляд, показателен тот факт, что в самом законе «О Конституционном Суде РФ» в ст. 104 соответствующие пределы проверки обозначены как проверка на соответствие основам конституционного строя, а не основам публичного правопорядка, тогда как в «первом» случае такого разночтения в законе не наблюдается. Была ли необходимость именно в таком варианте расстановки приоритетов и что именно вкладывалось в различие в подходах к оценке исполнимости решений, — покажет практика реализации данных положений. Также отметим некоторую неоднозначность формулировок, которые или же заранее настраивают на принятие положительного решения (не исполнять), или же наоборот формально допускают возможность исполнения решение даже в случае, когда речь идет о противоречии Конституции или основам публичного правопорядка.

В заключение отметим, что консервативный характер начатой поправками в Конституцию 2020 года конституционно-правовой реформы представляется нам вполне очевидным, однако нельзя не признать, что значительная часть конституционных изменений действительно отражает соответствующий настрой не только современной политической элиты, но и значительной части российского общества. Тенденция поступательного отхода от излишней идеализации либеральных идей в государственном строительстве получила свое логичное продолжение и развитие в соответствующих конституционных поправках, как в части укрепления конституционного суверенитета и обеспечения конституционной безопасности, так и в части защиты традиционных национальных культурных ценностей путем их прямого закрепления в тексте Основного закона. Одновременно нельзя не признать, что с технической точки зрения конституционная реформа была проведена не идеально. Первоначальная идея — ограничиться процедурой внесения конституционных поправок — не позволила в полной степени реализовать все существующие на сегодняшний день возможности конституционно-правовой техники в сфере государственно-правового строительства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарь Н. С. Гармонизация юридических и нравственно-этических начал Конституции: практика конституционного правосудия // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 1 (61). С. 13.
2. Брежнев О. В. Конституционная реформа 2020 г. и развитие конституционного правосудия в России // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 7. С. 3–6.
3. Велиева Д. С., Пресняков М. В. Реформа Конституционного Суда РФ 2020 года: «кто будет сторожить сторожей?» // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 12–22.
4. Гаврилов Д. А., Гаврилова Ю. А. Конституционализация публичного правопорядка в современной России // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 6. С. 13–17.
5. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 // Собрание законодательства РФ. 23.03.2020. № 12. Ст. 1855.
6. Коновалов А. М. Обзор некоторых поправок к Конституции Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 3. С. 40–44.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П // Собрание законодательства РФ. 2015. № 30. Ст. 4658.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П // Собрание законодательства РФ. 2016. № 17. Ст. 2480.

Barinov Emil E.,
*Rostov State University of Economics (RINKh),
Department of Constitutional and Municipal Law, Chairman,
Member of the Higher Judges' Qualification Board of the Russian Federation,
Candidate of Laws, Associate Professor, Rostov-on-Don, Russia*

INTERIM RESULTS OF THE CONSTITUTIONAL REFORM OF 2020 IN VIEW OF ASSESSING ITS IMPACT ON THE CURRENT LAW OF RUSSIA

This article contains an analysis of the interim results of the Constitutional Reform of 2020. The author proceeds from a possibility of application of various approaches towards the analysis of the corresponding problems: from the viewpoint of assessing the very procedure of the Constitutional Reform; in the context of the peculiarities of the legal workmanship used in textual processing of the appropriate constitutional innovations; with regard to the influence of constitutional amendments on further development of the whole system of Russian Legislation. Special attention is given to the changes in the powers of the Constitutional Court of the Russian Federation in regard to both the new threats and challenges relating to domestic and foreign policies, and to the peculiarities of their technical legal confirmation, as well as possibilities of future implementation.

Key words: single public authority system; constitutional responsibility; Constitutional Reform of 2020; constitutional amendments; Constitutional Court of the Russian Federation; Constitution of the Russian Federation; legal workmanship.